

окружающей среды (1,8 млрд.), космических исследований (1,43 млрд.) и обеспечения безопасности (1,35 млрд.). Замыкают список гуманитарные вопросы, для которых европейские парламентарии выделили 610 млн. евро.

Приведенные выше оценки тенденций суперкомпьютеризации и создания грид-сетей в зарубежных странах свидетельствуют о начале новой компьютерной революции, открывающей для субъектов внешней экономической деятельности - предприятий, отраслей, регионов, страновые возможности для повышения уровня конкурентоспособности производимых товаров и услуг и эффективности их участия в международной торговле.

УДК 338.124.4+338.24.021.8(100)+339.9

КРИЗИС И ТЕНДЕНЦИИ МОДЕРНИЗАЦИИ СТРУКТУРЫ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

В.В. Почекина

Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь

Основная черта современного глобального развития - исчерпание исторического пространства эпохи Нового времени, кризис соответствующей цивилизационной модели. Нестабильность, изменчивость мира, кажется, парадоксальным образом становятся наиболее устойчивой его характеристикой. На планете происходит интенсивная трансформация общественных институтов, всей социальной среды обитания человека.

Создавшаяся кризисная ситуация резко повышает роль и значение социально-экономических наук, она является своего рода вызовом им, рождая повышенный интерес к эффективному стратегическому анализу и прогнозу. Однако социально-экономическая теория демонстрирует определенную растерянность и неадекватность требованиям времени. Она упустила из поля зрения нечто качественно важное, определившее, в конечном счете, реальный ход событий. И тому есть свои причины.

На протяжении последних десятилетий социально-экономические науки были разделены как бы на два русла: «коммунистические» и «западные». Интеллектуальная деятельность коммунистического Востока, отмеченная печатью явного утопизма, оказалась в прокрустовом ложе догмы и конъюнктуры, а соответственно не готовой к неординарному вызову времени. Но и западная социальная мысль, связанная с именами Д. Белла и Г. Мак-Люэна, Г. Кана и О. Тоффлера, Дж. Несбита и Ф. Фукуямы, также пребывала в плену благостных стереотипов постиндустриальной концептуалистики, обобщенных в образе эгалитарной глобальной деревни.

У этих иллюзий единый фундамент - они суть два варианта идеологии общества Нового времени, базирующейся на парадигме прогресса. Но именно эта основа подверглась существенному испытанию на прочность в конце XX в., именно эта концепция и переживает серьезный кризис.

В 90-е годы различные интеллектуальные авторитеты - от Збигнева Бжезинского до Сэмюэла Хантингтона, влиятельные общественные фигуры - от папы Иоанна Павла II до современного «алхимика» Джорджа Сороса заговорили о наступлении кризисного периода глобальной финансово-экономической смуты, о грядущем столкновении

цивилизаций, о движении мира к новому тоталитаризму или неосредневековью, о реальной угрозе демократии со стороны неограниченного в своем «беспределе» либерализма и рыночной стихии.

Идет глубокая переоценка ситуации, складывающейся в мире, пересмотр актуальных по сей день концепций и предлагавшихся ранее прогнозов, их ревизия в русле неклассических,

радикальных, фундаменталистских и принципиально новых мировоззренческих позиций. Наряду с тотально доминировавшей всего десяток лет назад в социально-политических и экономических построениях моделью североцентричного нового мирового порядка (во главе с Соединенными Штатами) сейчас с пристальным вниманием рассматриваются сценарии контрнаступления мобилизационных проектов, господства постхристианских и восточных цивилизационных моделей, изучаются перспективы грядущей универсальной децентрализации либо геоэкономической реструктуризации мирового сообщества. Обсуждается вероятность глобальной альтернативы цивилизационному процессу - выхода на поверхность и легитимации «мирового андеграунда».

В кипящем «социальном слое» можно выделить три основные конкурирующие версии развития человеческого развития.

Проект социально-экономической *модернизации* планеты - построения универсального сообщества, основывающегося на принципах демократии и либерализма, научного и культурного прогресса, повсеместного распространения модели индустриальной экономики, - кажется, достиг своих исторических пределов. Его логическая вершина - конструкция мирового сообщества, находящегося под эгидой коллективного наднационального управляющего центра, который постепенно перенимает функции национальных правительств и трансформирует их в своего рода «региональные администрации». Частично реализуясь, этот проект сталкивается, тем не менее, с неразрешимыми трудностями.

Он альтернативен по духу проекту *постмодернизации* - формирования геоэкономического континуума, объединяющего на основе универсального языка экономики современные светские и посттрадиционные культуры Запада и Востока. Этот социально-экономический коллаж утверждает собственный исторический императив, существенно отличный от культуры Модерна.

Одновременно наблюдаются признаки *демодернизации* отдельных частей сообщества: пробуждение комплексных процессов социальной инверсии, приводящих к очаговому распаду современной цивилизации (Афганистан, Чечня, Таджикистан, некоторые африканские территории). Правомерность подобного взгляда на мировую ситуацию подтверждается комплексным характером происходящих изменений, охвативших в наше время буквально все социально-экономические и культурные институты. Обозначился системный кризис архитектоники общества, основанного на определенности национальных культур и устойчивости ценностно-рациональных форм мироустройства. Ветшает и меняется на глазах национально-государственная система международных отношений, трансформируется международное право, базировавшееся на принципе незыблемости национального суверенитета, переживает серьезную модернизацию индустриальная экономика, задвигаемая в тень виртуальной неэкономикой финансовых технологий.

Кардинальные изменения претерпевают и сфера идеологии, и вся современная мировая культура, отмеченная повторной встречей Востока и Запада. Их предыдущее столкновение на путях экспансии европейской христианской цивилизации когда-то утвердило модель европоцентричного мира и запустило процесс модернизации мировой периферии. На сей раз встреча культур, происходит под знаком социального Постмодерна, и одновременно пробужденной неоархаики. Не исключено, что результатом этой модернизации будет грядущая ориентализация глобального сообщества.

Утверждающийся мировой порядок все более проявляет себя как порядок экономический - Рах Economicana. Глобальная экономика постепенно становится повсеместным императивом, правящей системой. Подобное коренное изменение можно определить следующей формулой: раньше мировая экономика была полем, на котором действовали суверенные государства, теперь же она превращается в самостоятельный субъект, действующий на поле национальных государств.

При этом возникает нечто большее, чем просто хозяйственный организм планеты. Происходит радикальный сдвиг в типологии мировых координат, привычных способах проекции власти: из области военно-политической в сферу политэкономическую. Экономика начинает проявлять себя не только как способ хозяйствования, но и как политика, и даже как идеология новой эпохи. И как результат — геополитические императивы начинают уступать место реалиям геоэкономическим.

В подобной *экономистической* оболочке в условиях кризиса вызревает неожиданная и оригинальная версия нового мирового порядка - меняющий привычный облик планеты полицентричный «новый регионализм». Дело в том, что в рамках единой, но не однородной глобальной мироэкономики явно проступают контуры социально и культурно самобытных «больших пространств», члены которых объединены общими социально-экономическими интересами и целями. Будущая структура глобального сообщества оказывается, таким образом, напрямую связанной с его *геоэкономическим размежеванием*.

Переплавленное в системе интенсивного взаимодействия стран новое мироустройство постепенно замещает прежнюю европоцентричную модель более сложным, полифоничным сочетанием геоэкономических регионов.

Судя по всему, модель формирующегося на планете универсума носит шестигранный характер (и в этом смысле она многополярна). В ее состав входят (конечно, отнюдь не на равных - и в этом смысле она однополярна) такие макрорегионы, как североатлантический, тихоокеанский, евразийский и «южный» расположенный в основном в районе индоокеанской дуги, а также два совершенно новых метарегиона, которые выходят за пределы чисто географической привязки.

Новая социально-экономическая конфигурация мира, вызревая в коконе транснациональных структур управления, экономических реалий и глобального взаимодействия, постепенно приобретает как бы слоистый характер. Причем ключевой вид деятельности - финансово-правовое регулирование - не есть некое демократичное совместное *предприятие всех стран мира, своего рода* «коллективное правительство». Напротив, это вполне самостоятельная сфера хозяйствования, автономный и весьма эффективный сегмент глобальной геоэкономики (Новый Север).

Растущее транснациональное пространство - мир НПО и ТНК, а также финансовых и банковских сетей, - оставаясь генетически связанным с породившим его североатлантическим ареалом, обретает все большую свободу. Проявляя собственное историческое целеполагание, оно способно вступать в конфликт с целями и ценностями всех земных регионов, включая материнский - североатлантический.

Одновременно в мире подспудно сформировалось еще одно транснациональное пространство, чье бытие определено «теневой глобализацией» деструктивных тенденций различной этиологии, проявлением на планете комплексного феномена социальной и экономической инверсии. При этом спекулятивные аспекты виртуально-финансовой экономики нередко смыкаются с откровенно паразитарной некриминальной псевдоэкономикой, сообщая формируя единую паразитическую реальность, существующую за счет проедания ресурсов цивилизации, накопленного мирового богатства.

В результате этих и других процессов кардинально меняется социально-экономический ландшафт планеты. Оказалась сломанной не только привычная ось «Запад - Восток», но и «Север - Юг». Правда, может быть, точнее было бы сказать, что она не сломалась, а *расщепилась*. Так, явно раскололся на составные части привычный Север. Утратил единство и прежний «третий мир», представленный в современной социальной картографии несколькими самостоятельными пространствами. Массовое производство как системообразующий фактор (в геоэкономическом смысле) постепенно перемещается из Североатлантического в Азиатско-тихоокеанский регион (а точнее, в Большое тихоокеанское кольцо, включающее и такой нетрадиционный компонент, как ось «Индостан - Латинская

Америка»), Здесь формируется второе промышленное пространство планеты - Новый Восток, в каком-то смысле пришедший на смену «коммунистической цивилизации», заполняя образовавшийся с ее распадом биполярный вакуум.

Ресурсно-сырьевая деятельность является по-прежнему спецификой стран Юга (во многом мусульманских или со значительной частью мусульманского населения). Будучи кровно заинтересованы в пересмотре существующей системы распределения природной ренты, члены этого геоэкономического пространства терпеливо ждут своего «часа пик», неумолимо приближающегося по мере исчерпания существующих запасов природных ресурсов. В стратегической перспективе Юг стремится также к установлению нового экологического порядка, солидаризируясь с теми государствами планеты, которые лишены крупных запасов природных ископаемых, но обладают мощным биосферным потенциалом.

Одновременно трансрегиональный «архипелаг» территорий, этот «мировой андеграунд», пораженный вирусом социального хаоса, постепенно превращается в самостоятельный стратегический полюс мира - «глубокий Юг».

И наконец, новой реальностью стал находящийся ныне в переходном, хаотизированном состоянии посткоммунистический мир, похоронив под обломками плановой экономики некогда могучий полюс власти - прежний Восток.

Каждое из этих «больших пространств» мировой экономики имеет собственную систему жизненных приоритетов и целеполагания, у каждого из них свой план желаемого мироустройства и взаимодействия регионов, свой проект будущего.

УДК 338.5

ВЛИЯНИЕ ЦЕНОВОЙ ПОЛИТИКИ ФИРМЫ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ КОММЕРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н.Л. Прокофьева

*УО «Витебский государственный технологический университет»,
г. Витебск, Республика Беларусь*

Государственное регулирование ценообразования на основе затратных методов, сформировало особый тип поведения субъектов хозяйственного рынка на территории Республики Беларусь. Это выражается в динамическом приросте цен на фоне мер их административного ограничения, не заинтересованности предприятий разрабатывать гибкую ценовую политику, учитывать интересы других участников хозяйственного оборота. Чем длительнее период времени глубокого вмешательства государства в процессы ценообразования, тем сложнее обеспечить переход к формированию цен с учетом конъюнктуры рынка.

Ценовая политика каждого субъекта хозяйственного оборота является эффективной, если позволяет таким образом учитывать факторы внешней среды, чтобы сохранять конкурентные позиции промышленных и торговых организаций или улучшать их.

Основная проблема, с которой сталкиваются субъекты хозяйственного оборота Республики Беларусь при разработке ценовой политики и активной стратегии сбыта – уровень затрат.

Высокая доля себестоимости в цене товара ограничивает возможности предприятий промышленности, так как только существенное превышение цены над затратами на производство позволяет предприятию использовать инструменты ценовой политики и маркетинга при продвижении продукции на рынок.